

РУССКИЙ ЯЗЫК В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ)

Е. А. Проценко

Российский государственный социальный университет

Поступила в редакцию 20 августа 2011 г.

Аннотация: в статье рассматривается роль русского языка в англоязычном медиапространстве. Автор анализирует особенности функционирования русских заимствований в современной британской прессе.

Ключевые слова: русский язык, лексические заимствования, англоязычное медиапространство, британская пресса.

Abstract: this article discusses the role of Russian language in the English-speaking media. The author concentrates on the functioning of Russian borrowings in modern British newspapers.

Key words: Russian language, lexical borrowings, English-speaking media, British newspapers.

XXI век зарекомендовал себя прежде всего как век информатизации и глобализации. И хотя не будет большим преувеличением сказать, что стремление к выявлению неких общих универсальных моделей развития или желание объединить человечество в той или иной форме стары, как мир, они получили свое логическое завершение и концептуальное оформление именно на современном этапе. В этом плане действительно «появление глобализации в реальности есть завершение того процесса образования всемирных связей, свободной торговли и становления всемирной истории, которые составили суть пятисотлетней истории Запада и мира в целом...» [1, с. 47].

Падение железного занавеса, демократические процессы в обществе, формирование единого рынка, расширение межгосударственных связей и международных контактов – все эти факторы во многом предопределили глобализационные процессы в современном мире. И далеко не последнюю роль среди них играет бурное развитие и широкое распространение информационных технологий, новых коммуникационных сетей, появление единого информационного пространства, находящегося в открытом доступе для граждан всего мира.

В свете процессов глобализации в современном мире особо остро встает вопрос о языке международного общения. Сегодня на роль глобального мирового языка явно претендует английский язык. Русский же язык, хотя и остается одним из мировых языков и еще занимает высокие места в рейтингах самых распространенных языков мира, теряет свои позиции. По данным центра социологических исследований Министерства образования и науки России,

к 2025 г. русский язык может стать даже менее популярным, чем бенгали или португальский [2]. Так какую же роль играет русский язык в современном мире?

Безусловно, влияние русского языка и русской культуры ослабевает прямо пропорционально продвижению на запад – с территории бывших советских республик через государства Восточной Европы, традиционно воспринимаемые в качестве союзников, объединяемых общей славянской культурой и если не общими, то, по крайней мере, близкими политическими и военными интересами, – к Западной Европе. Однако и там мы находим следы влияния русского языка и русской культуры. Как известно, в ряде германских языков еще с древнейших времен встречаются слова, которые имеют общие корни со славянскими словами и которые, возможно, были первыми заимствованиями у славян.

Исходя из предположения о том, что в XXI в. именно средства массовой информации и коммуникации оказывают наибольшее влияние на формирование массового, в том числе и языкового, сознания, мы провели исследование статей, опубликованных в самых популярных периодических изданиях Великобритании с 2000 г. по настоящий момент. В центре нашего внимания были общенациональные ежедневные печатные издания, имеющие, кроме того, on-line версии. Среди множества печатных изданий, издаваемых в Соединенном Королевстве, мы выбрали три наиболее авторитетных: «Times», «Guardian», «Daily Telegraph». В своем выборе мы руководствовались прежде всего критериями распространенности (тираж) и популярности изданий среди читателей.

Наличие параллельных интернет-версий печатных изданий является важным преимуществом,

поскольку предоставляет журналистам возможность практически ежечасно транслировать самые последние новости и оперативно реагировать на все происходящие в мире события. Кроме того, по мнению исследователей, именно сайты интернет-изданий пользуются наибольшей популярностью у читателей, поскольку имеют целый ряд достоинств, характерных только для сетевой прессы [3, с. 18–19].

Используя поисковую систему электронных версий печатных изданий, мы проследили функционирование русскоязычных элементов на страницах британских газет, изданных за последние 10 лет. Объектом анализа послужили около 100 лексем русского языка, общим объемом около 50 000 словоупотреблений. Поскольку целью исследования является выявление современного состояния языка, заимствованные из русского языка слова рассматривались независимо от периода вхождения в английский язык, а также от того, зарегистрированы ли они в словарях английского языка.

В ходе исследования все лексические единицы были поделены на три группы:

- широко употребительные или частотные (более 1000 словоупотреблений в каждом из источников);
- употребительные или узуальные (от 100 до 1000 словоупотреблений в каждом из источников);
- малоупотребительные или окказиональные (до 100 словоупотреблений в каждом из источников).

Данная классификация, хотя и условная, но построенная на основе объективного показателя частотности лексем, оказалась весьма продуктивной. Именно в пределах выделенных групп были выявлены основные качественные отличия.

Первая группа широко распространенных заимствований из русского языка оказалась наименьшей по составу. Она включает заимствованные из русского языка в разное время слова, как правило, общественно-политического характера, такие как *tsar*, *Stalinist*, *Kremlin*, а также ставшие интернациональными традиционно русские реалии типа *vodka*. Большинство из них, хотя и перешли из группы национально-специфической лексики в разряд интернационализмов, сохранили первоначальное значение, присущее им в русском языке.

Противопоставленную по принципу частотности группу наименее распространенных заимствований составляют экзотизмы, обозначающие исконно русские реалии, причем разных исторических эпох. На страницах британской прессы встречаются как практически вышедшие из употребления *drozhki*, *izba*, *valenki* и традиционные символы русской культуры, такие как *balalaika*, *matrioshka*, *samovar*, так и символы постреволюционной эпохи – *raskol*, *kolkhoz*, *kulak* – или более современные понятия, такие как *zastoy*, *samizdat*, *elektrichka*, *siloviki*.

Особо в этой группе заимствований следует отметить названия блюд русской кухни, которые вызывают постоянный интерес и пользуются большой популярностью в разных странах. Они представлены довольно объемной группой слов, таких как *borshch*, *shchi*, *solyanka*, *okroshka*, *kulebyaka*, *kholodets*, *rasstegay*, *golubtsy*, *pelmeni*, *oladi*, *vareniki*, *varenye*, *kvass*, *kulich*, в том числе и заимствованные у народов союзных республик, но «обрусевшие» – *salto*, *plov*, *shashliki*.

Интересно отметить, что британские источники не просто упоминают блюда русской кухни в связи с описанием особенностей жизни и быта русских людей, но и приводят рецепты приготовления традиционно русских блюд. В одном из номеров газеты «Telegraph» [01.03.2011] говорится о том, что Британия стала местом пребывания, если не постоянным местом жительства, сотен тысяч русских. В благодарность за гостеприимство они готовы поделиться с британцами своей богатой культурой и традициями. Автор отмечает, что русская кухня, которую порою считают однообразной, на самом деле богата оригинальными рецептами таких блюд, как голубцы, блины, вареники, куличи, селедка под шубой и др.

Однако наиболее популярными у британцев оказываются оладьи – «traditional Russian pancakes» (ср. англ. pancake – кондитерское изделие (пирожное, лепешка), отличающееся тонкой, плоской и круглой формой). Простое в приготовлении и в то же время универсальное блюдо, с которым можно экспериментировать, воспринимается как невероятно вкусный домашний завтрак:

«*And while the spectrum of flavours might not be as wide as in the West, there are still some incredibly tasty selections, one of the most popular being oladi, traditional Russian pancakes*» [Telegraph, 04.12.2009].

Отметим, что некоторые из названий русских блюд имеют явную тенденцию к интернационализации. Так, в следующем примере автор статьи заявляет, что научилась рецепту приготовления кваса в Австрии, подчеркивая при этом русское происхождение «оздоровительного напитка»: «*Now kvass, as I'm sure you know, is not an Austrian drink but a Russian one, once consumed in vast quantities by health-conscious Soviets, and in smaller quantities by discerning Europeans, mainly Germans*» [Telegraph, 03.04.1999].

В другой статье среди рекомендаций для тех, кто отправляется в путешествие в Хельсинки, мы находим совет начать свой ужин в ресторане с блинов, а затем перейти к шашлыку:

«*Start with a blini (warm pancake) covered by melted butter, cream, diced cucumber, onion, egg and red vendace roe (£11). Then move on to the fillet shashlik (wrapped in bacon and a tomato sauce) at £13.50*» [Telegraph, 02.08.1997].

Однако не только названия блюд русской кухни получили широкое распространение по всему миру. И другие слова, обозначающие исконно русские реалии, перестают быть жестко детерминированы страной своего происхождения и начинают использоваться более широко, в отвлечении от русской культуры и русского уклада жизни. Так, традиционный русский самовар можно встретить не только в России и Польше, но и в Касабланке [Guardian, 08.05.2010] или Тегеране [Guardian, 26.06.2005], в ресторанах Нью-Йорка [Times, 08.01.2010] или Лос-Анджелеса, и даже в Викторианском отеле в Вест-Энде [Times, 11.04.2009].

Более того, заимствуется из русского языка и метафорическое сравнение «кипит как самовар». Так, описывая напряженный матч между Роджером Федерером и Маратом Сафиным, автор замечает, что, показав наихудшую игру во втором сете, Сафин буквально закипел к началу третьего:

«By the third set he was beginning to boil like a samovar. He let out a stentorian roar of frustration and received a warning when he slammed his racket against his chair at a changeover» [Guardian, 05.07.2008].

Некоторые заимствованные из русского языка понятия переосмысливаются и изменяют свое значение в новой языковой среде. Так, слово *samizdat*, традиционно обозначающее неофициальный способ распространения литературы, расширяет свое значение в связи с запросами нового информационного века и используется в современных медиатекстах в нескольких значениях:

– незаконное распространение печатной продукции, например: *«Not in a big sense, no, of course not. But it matters if the information becomes contraband or samizdat, if it becomes something which you are not allowed to say»* [Times, 11.09.2011];

– опубликование любительских фотографий, например: *«If anyone in the books world is powerful enough to take on the Potter publishers' legal team - busy yesterday hoovering up samizdat photos of what Bloomsbury and Scholastic refuse to confirm is an early copy...»* [Guardian, 19.07.2007];

– технологии непрофессиональной видеосъемки, например: *«The channel has accumulated a large collection of samizdat amateur footage from mobile phones and video cameras — mostly unattributed and uncorroborated»* [Times, 19.06.2011];

– телевизионные технологии спутниковой связи *«...fizzing pictures, time-delayed or echoing voices — are part of the atmosphere of broadcasting from a riot or warzone or people's uprising. As with a samizdat manuscript or surveillance footage, purity seems inappropriate. This is, in every sense, hard news...»* [Guardian, 10.08.2011];

– вебсайты и интернет-ресурсы: *«Some of my sources were Scottish journalists. Staffers on major titles viewed my website as a sort of samizdat outlet»* [Guardian, 06.12.2010].

Однако наиболее разнообразной по составу является средняя с точки зрения частотности группа заимствований с количеством словоупотреблений от 100 до 1000. Она же представляется наиболее интересной для анализа, так как отражает промежуточный этап, переход от окказионализмов и экзотизмов к ассимилированным и широко употребительным заимствованиям. Итак, какие же понятия или явления русской жизни вошли в более широкий обиход у носителей английского языка и получили распространение в англоязычном медиапространстве?

Прежде всего, это общественно-политические термины, такие как *Stalinism, gulag, bolchevik, Politburo, glasnost, perestroika* и др. Они продолжают ассоциироваться в сознании европейцев прежде всего с Россией, однако в общем объеме словоупотреблений прослеживается тенденция к утрате жестко детерминированной связи вышеупомянутых политических терминов с определенным этапом исторического развития России. По признанию газеты «Times», термины *перестройка* и *гласность*, введенные М. С. Горбачевым в середине 1980-х гг., вошли в число глобализмов [Times, 23.05.2004]. Действительно, в XXI в. о перестройке и гласности говорят уже не в России, а в Америке [Times, 21.02.2003], в Шотландии [Times, 31.01.2005], на Кубе [Guardian, 07.04.2008] и в Китае [Times, 25.08.2008].

Слово *перестройка* фигурирует в современных медиатекстах уже не только в качестве упоминания определенного периода мировой истории (например, *«perestroika era», «after perestroika», «before perestroika»*), но прежде всего для обозначения процесса реформирования или обновления вообще. Именно такое понимание дает журналистам возможность говорить о личной перестройке (*«personal perestroika»*), употребляя слово в переносном значении, близком к русскому «самосовершенствование»:

«...Cartlidge, who played her sister-in-law, thought that he was going through a «personal perestroika». «Perestroika? She said that? Yes. I was kind of working towards emotions» [Times 21.02.2006].

Интересная судьба прослеживается у слова *интеллигенция*. Восходя к латинскому *intelligens*, оно зарегистрировано в «Словаре иностранных слов» 1981 г. издания со значением «социальная группа, в которую входят люди, профессионально занимающиеся умственным трудом и обладающие необходимым для такого труда специальным образованием» [4, с. 201]. В британской прессе XXI в. слово *intelligentsia* употребляется в схожем значении, прежде всего по отношению к людям искусства и политической элите.

Однако в ряде случаев оно воспринимается как заимствованное из русского языка. Так, например, в статье под названием «Никита Хрущев: культ личности» приводится перевод речи Н. С. Хрущева на XX съезде коммунистической партии, в которой говорится о том, что весь рабочий класс, колхозники, советская интеллигенция под руководством Партии преодолели неопишуемые сложности и тяготы войны:

«*Exceptional heroism was shown by our hard core – surrounded by glory are our whole working class, our kolkhoz peasantry, the Soviet intelligentsia, who under the leadership of party organisations overcame untold hardships and bearing the hardships of war...*» [Guardian, 26.04.2007].

Ассоциативные связи слова *intelligentsia* с русскими корнями прослеживаются и в других контекстах. Так, говоря о левосторонних политических пристрастиях артистической элиты, Поль Гудмен связывает интеллигенцию с насильственной коллективизацией крестьян в сталинские времена, сталинизмом и фашизмом:

«*(He notes that the American intelligentsia were queuing up to praise Stalin in the wake of the forced collectivisation of the peasants.) The same reaction took place in Britain. Or, rather, artists embraced both extremes, communism and fascism...*» [Guardian, 27.09.2011].

Помимо общественно-политических явлений, широкое распространение в британской прессе получили также некоторые заимствования, связанные с освоением космоса, где наша страна выступила в роли первооткрывателя и навсегда закрепила за собой право приоритетного использования таких слов, как *sputnik*, *soyuz* и т.п.

Из реалий традиционно русского уклада жизни и быта наибольшей популярностью среди англоязычных читателей пользуется «дача» (*dacha*), которая описывается как загородный дом, чаще большой, из дерева, окруженный участком земли. В приводимом ниже контексте «дача» выступает как идентификационный признак русской нации:

«*Besides, the idea that there's something quintessentially English about country houses is to ignore Russian dachas, French châteaux, Italian villas, Anglo-Indian hill stations and the «big houses» of the Protestant Ascendancy...*» [Guardian, 11.06.2011].

Действительно, в языковом сознании европейцев слово *dacha* четко ассоциируется с русским языком и русской культурой. Однако это не мешает им, имитируя русских, превратить дачу в реалии собственной жизни и, как следствие, принять слово в свой лексикон. Так, в британской прессе сообщается, что, найдя в В. В. Путине нового друга, принц

Альберт принял решение построить дачу на своем участке в Монако:

«*RUSSIAN officials sent a team of builders to Monaco to erect a three-bedroom «dacha» in Prince Albert's garden earlier this year as a sign of the growing friendship...*» [Times 21/09/2008].

Представляя дачу как уникальный феномен русской жизни [Telegraph, 28.08.2009], журналисты отмечают, что раньше наличие дачи в России считалось одной из привилегий высокопоставленных чиновников. В связи с этим интересно отметить, что, хотя любовь к даче рассматривается в британских медиа-текстах как общенациональное русское явление, среди контекстов употребления слова *dacha* преобладают упоминания о президентской или правительственной даче, например:

«*Harley will open a second showroom this year on the Rublyovskoe Shosse, where many oligarchs and officials have their dachas*» [Telegraph, 18.06.2005].

«*Frost interviewed Putin at his presidential dacha on the outskirts of Moscow last week for broadcast this morning*» [Times, 22.06.2003].

Таким образом, русский язык представлен в англоязычном медиапространстве достаточно широкой группой заимствований, принадлежащих к разным тематическим группам и относящихся к разным периодам вхождения в систему языка-приемника. При этом значительная группа современных заимствований имеет высокие показатели частотности. Выявлена также тенденция к интернационализации ряда заимствований из русского языка, вследствие чего они могут претендовать на статус глобализмов.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что процесс заимствования является неизбежным результатом межкультурного взаимодействия и, как следствие, активизируется прямо пропорционально интенсивности межнациональных контактов. И тот факт, что не только русский язык заимствует из английского, но и английский заимствует из русского, свидетельствует: процесс заимствования имеет двустороннюю направленность. Другой вопрос, в каком соотношении происходит обмен понятиями и словами между контактирующими языками в процессе диалога культур? Думается, что направленность и объем заимствований находятся под влиянием факторов разного рода, причем в первую очередь экстралингвистического характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федотова В. Г. Меняющийся мир и глобализация / В. Г. Федотова // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1. – С. 47–59.
2. Арефьев А. Сколько людей говорят и будут говорить по-русски? // Население и общество: бюллетень. – 2006. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2006/08/17/demoscope251>

3. *Апетян С. Г.* Англицизмы на страницах печатных и электронных СМИ / С. Г. Апетян // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный

журнал КубГАУ). – Краснодар : КубГАУ, 2010. – № 4(58). – С. 17–24.

4. Словарь иностранных слов. – М. : Русский язык, 1981. – 624 с.

Российский государственный социальный университет

Проценко Е. А., доцент кафедры общегуманитарных дисциплин

E-mail: procatherine@mail.ru

Тел.: (473) 266-25-73

Russian State Social University

Protsenko E. A., Associate Professor Department of Humanities

E-mail: procatherine@mail.ru

Tel.: (473) 266-25-73